

ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ
«ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

1. Анекдот о кавалере де Рогане

В третьей главе «Зимних заметок о летних впечатлениях» Достоевский привел анекдот, который, по его словам, он затвердил наизусть, прочтя его в десятилетнем возрасте в какой-то книжке «екатерининского времени» (5, 56). Источник этого коротенького рассказа, озаглавленного «Остроумный ответ кавалера де Рогана», установлен не был, и в комментарии (5, 366) сделано указание на пародийный анекдот о герцоге де Рогане Козьмы Пруткова, не имеющий отношения к французскому *bon mot*, процитированному Достоевским по памяти.

Анекдот подобного содержания был переведен на русский язык с немецкого в составе второго тома сборника К.-Ф. Николаи «Спутник и собеседник веселых людей, или Собрание приятных и благопристойных шуток, острых и замысловатых речей и забавных повестей» (М., 1774):

«Дурной запах»

Герцог Рокелор, как то часто бывало, случился некогда у дофина; когда он только что вставал с постели. Дофин, которому или показалось только, или так в самом деле было, напрямки сказал, постоюдишься, Рокелор! От тебя несносно воняет. Сие, может статься, была суцная правда, потому что у сего герцога был крошечный носок, и притом несло из него толь дурным запахом, что многие тем его и упрекали; однако ж Рокелор, будучи проверен на слова, всегда на такие упреки отвечал весьма колко и смеявшихся ему в том приводил в большой стыд, в чем не спутал он и самому дофину: ибо оный едва успел выговорить, что от герцога воняет, Рокелор, по своему обыкновению, весьма холодным духом на то отвечал: извините меня, ваше высочество! вы меня поклепали: не от меня воняет, а разве от вас; ибо вы только что встаете с постели».¹

Гастон-Жан-Батист герцог де Рокелор (1617—1676) слыл во Франции самым уродливым, но одновременно одним из самых остроумных людей своего времени. После его смерти была издана небольшая книжочка, содержащая его острооты, частично подлинны, частично ему приписанные, и забавные происшествия, с ним действительно случившиеся, а также вымышленные: «*Le Mopus français, ou les aventures divertissantes du Duc de Roquelaure*» (Cologne, 1720; переиздания). Этот сборник, автором и состави-

¹ Николаи К.-Ф. Спутник и собеседник веселых людей..., ч. 2. М., 1774, с. 135—136.

телем которого с наибольшей вероятностью считается Антуан Леруа, также переводился в екатерининское время на русский язык, и в его составе — другая, более ранняя, пространная редакция указанного анекдота, в которой подробно разъяснялась соль ответа Рокелора.²

Вполне возможно, что именно первый из названных сборников был той самой книжкой, о которой говорил Достоевский. Однако необходимо считаться с вероятностью того, что мог существовать и переводиться на русский язык краткий вариант этого анекдота, который и процитировал Достоевский, спутав имя персонажа и наверняка забыв за давностью лет точный текст.

2. *Butte aux cailles*

1 августа 1875 г. Достоевский записал в черновой тетради отдельным пунктом французское название «*Butte aux Cailles*»³ (Перепелиный холм). Поскольку многие из соседних заметок, сделанных в тот же день, так или иначе нашли отражение в подготовительных материалах к «Подростку» и окончательном тексте, эта запись, очевидно, также имела отношение к работе над романом. Действительно, через непродолжительное время (после 11 августа) то же название повторилось в наброске к тем страницам романа (ч. III, гл. 5, разд. 2—3), где появляется «верзила» (*le grand dadais*) Андреев:

«Знает, что такое *Butte aux Cailles*.

— Я гражданин местечка *Butte aux Cailles*.

— Слоныце пане?

Butte aux Cailles тем замечателен, что там носят панталоны 15 лет, не снимая, а рубашек совсем не носят» (16, 421).

В черновом автографе эти записи трансформировались в реплики, которыми в пылу ссоры обмениваются в ресторане Андреев с поляками:

«— Кто вы такой? — закричали оба поляка.

— *Je suis le citoyen de la Butte aux Cailles!* — проговорил им *dadais*, даже не шевельнувшись.

— Кто такой *citoyen de la Butte aux Cailles* на свете?

— Это такое место *Butte aux Cailles*, а *citoyen de la Butte aux Cailles* — это тот человек, который не снимает штанов 15 лет, а рубашек никогда не носит» (17, 121).

В наборной рукописи этот отрывок был сокращен до одной реплики:

«— *Je suis le citoyen de la Butte aux Cailles*, — вдруг громко объявил *dadais*, обращившись ко всей зале» (17, 219).

² Приключению XVIII. Смелая двусмысленная речь. — В кн.: Леруа А. Смеходей, или Забавные и смешные приключения герцога Рокелора. СПб., 1789, с. 90—93.

³ Лит. наследство, т. 83, М., 1971, с. 317. Прочтено и опубликовано неверно: *Caëlles* вместо *Cailles*.

Одновременно краткое пояснение названия было искусно введено в характеристику Андреева, которую ему дает Тришатов в беседе с Подростком: «А что он не моется — это он с отчаяния. И у него ужасно страшные мысли: он вам вдруг говорит, что и подлец, и честный — это всё одно и нет разницы; и что не надо ничего делать, ни доброго, ни дурного, или всё равно — можно делать и доброе, и дурное, а что лучше всего лежать, не снимая платья по месяцу, пить, да есть, да спать, *вог как в этой Butte aux Cailles, в Париже ложмотники*» (13, 351—352; 17, 220; курсив мой, — В. Р.).

В окончательном тексте и реплика Андреева, и слова Тришатова, выделенные курсивом, были спяты.

В комментарии к роману (17, 326—327), где высказываются остроумные и веские соображения относительно мотивов, которые могли побудить Достоевского исключить все реплики, содержавшие упоминание Перепелиного холма, сама эта местность поясняется как «глухое захолустье», а в вариантах чернового автографа и наборной рукописи название напечатано как нарицательное, со строчной буквы. Это толкование, однако, противоречит словам Тришатова, из которых можно понять, что *Butte aux Cailles* имеет отношение к Парижу.

Действительно, это название носил холм на левом берегу Сены, в тринадцатом округе столицы Франции. «Гнилым и прокаженным наростом», всасывающим «в свои смрадные недра ядовитейшие соки пового Вавилона», представился он русскому журналисту П. А. Монтеверде, который провел в его трущобах два дня и описал их в одном из своих очерков, печатавшихся в 1875 г. в «Русском вестнике» под псевдонимом Петр Петров.⁴

«Что за страшное, прокаженное место! — писал Монтеверде. — Кругом, с одной стороны роскошная растительность берегов Биверы, с другой — пригородные луга, и среди этого зеленого пояса голая, белесоватая шишка, облесленная безобразными лачугами, сложенными из мусора и гризи, лачугами покосившимися, накренившимися, осевшими, навалившимися, опирающимися друг на друга, как пьяницы, для взаимной поддержки или чтоб если рухнуть, так уж всем сразу; шишка, прорезанная вкривь и вкось узкими, излучистыми улицами с сильнейшим наклоном, настоящими помойными ямами, вечно струящими омерзительную смрадную жидкость, в которой голодные, страшно тощие, лысые, ободранные, паршивые собаки роются с остервенением, ища случайную поживу.

Ни деревца, ни кусточка, ни клочка зелени; одна грязь и мерзость, смрад и вонь, одни мусорные салыные лачуги, претя-

⁴ Парижские силуэты и очерки. П. *Butte aux Cailles*. (Горка Перепелов). — Русский вестник, 1875, № 6, с. 606—629. Другие очерки из этой серии: Парижские силуэты. — Там же, № 3, с. 213—242; Парижские силуэты и очерки. Букет русских. — Там же, № 7, с. 317—353.

щие душе дворы и помойные улицы. Да и как тут расти и жить дереву, траве? Зараза и вонь стоят в воздухе. Веет чем-то кислым, гнилым, протухшим. Подумаешь, что сама почва здесь на семь пядей насквозь прогнила, всасывая мерзость кишачего на ее поверхности. Только человек, да собака, да разве еще свинья могут тут ужиться, но свинья слишком аристократическое животное для этого забытого богом уголка».⁵

В подобном тоне выдержано все описание. Не скушится автор на черную краску и хлесткие эпитеты, рассказывая о коренных обитателях трущоб Перепелиного холма — парижских сборщиках утиля, называвшихся «тряпичниками» (*chiffonniers*). Это, по его характеристике, «подонки общества, осадки, скопляющиеся в одном месте, гнилые, прокаженные соки, стекающиеся в одну яму, подобно тому как городские нечистоты стекаются в центральный сточный резервуар».⁶ Среди этих «отверженных» внимание Монтеверде привлекла колоритная в своем безобразии фигура «гражданина Гальяра», «шикарного шифоньера»: «Гальяр идеально грязен; грязен, как черви, копошащиеся в помойных ямах. Первобытный цвет его блузы и штанов определить теперь нет возможности, были ли они синие, белые, серые, решать не берусь; за одно могу поручиться, — что лет за десять, кроме дождя, другой стирки этому платью не было».⁷

На Перепелином холме Монтеверде записал народную песню о коммунарке, расстрелянной версальцами. Это «непереводимое произведение дикой поэзии» он полностью привел в своем очерке, выделив третью строку четвертого куплета:

*Elle fut pris par les Versailleux...
C'est ell'même qui commanda l'feu!
Allons donc prendre une absinthe verte
A Montmerte'...*⁸

По поводу всей песни и этой строки в особенности Монтеверде писал: «...» надо это слышать спетое туземцем, хриплым, надтреснутым голосом, то исполненным ядовитой иронии, то цинизма, то этого непередаваемого *air canaille*,⁹ присущего парижскому подкаретному люду. И вдруг, как луч солнца, мелькнувший среди мрака, раздастся теплая, душевная нотка, и голос глухобольной вибрирует при словах:

*Allons donc prendre une absinthe verte...»*¹⁰

⁵ Русский вестник, 1875, № 6, с. 610—611.

⁶ Там же, с. 623.

⁷ Там же, с. 624—625.

⁸ Там же, с. 624. «Ее схватили версальцы... // Она сама скомандовала „огонь!“ // Пойдем же выпьем зеленого абсента // На Монмартре!...»

⁹ Озорства.

¹⁰ Русский вестник, 1875, № 6, с. 610—611.

Эта же строка, лишь слегка измененная, присутствует в подготовительных записях к роману как набросок сумбурных речей Ламберта, обращенных к Подростку в коляске по пути в ресторан: «Allons prendre un verre de l'absinthe verte» et «нрзб.» Ты щегольски одет. Сертук. Есть у тебя другой сертук? Я тебе могу дать денег, приходи ко мне» (16, 421; ср.: 15, 348).

Это совпадение служит достаточным свидетельством того, что Достоевский читал очерк П. А. Монтеверде и именно оттуда почерпнул детали, касающиеся Перепелиного холма. Несомненно также, что тряпичник Гальяр стал прототипом Андруса. Исходная запись, связанная с разработкой образа «верзилы», относится к 1 августа 1875 г.: «У Ламберта в 1-й визит. Его знакомые, завтрак за шампанским <...>» (16, 384). Поскольку из двух знакомых, участвующих в намеченной сцене, ранее в подготовительных материалах упомянут только Трипатов (16, 369), можно предположить, что начальный замысел образа Андруса оформился в тот самый день, когда Достоевский в первый раз выписал в тетрадь название *Butte aux Cailles*.

В оценке парижских тряпичников П. А. Монтеверде резко разошелся с их обычною характеристикой, утвердившейся во французской, а вслед за нею и в русской литературе. По-видимому, Монтеверде сознательно вступил с этой традицией в полемику, хотя ни словом не обмолвился о тех, кто писал об этом предмете до него и с кем он спорил в своем очерке. Достоевский, по всей вероятности, не мог пропустить мимо внимания полемической заостренности описания обитателей Перепелиного холма, так как предшествующая традиция, во всяком случае русская, должна была ему быть хорошо известна. Более того, даже если сделанное выше допущение неверно и Монтеверде не был знаком со сложившимся ранее и прочно вошедшим в литературу представлением о парижском тряпичнике, Достоевский, очевидно, не мог не воспринять парисованный им портрет как полемический.

Традиционно французские писатели и художники видели в тряпичнике Диогена XIX в., презревшего цивилизацию и бросившего ей вызов, сохранявшего под грязными лохмотьями и в жалкой берлоге свободу духа и личности. К Диогену, например, возводилась генеалогия тряпичника в физиологических очерках; обычным было в них и его уподобление философу.¹¹ Один из рисунков художника Ш.-Ж. Травьеса из серии, посвященной тряпичникам, назывался «Тряпичник-философ»; в том же духе их рисовал и П. Гаварни. Эта традиция отразилась позднее и в статье «Chiffonnier» в «Большом всеобщем словаре XIX века» П. Ларуса.¹²

¹¹ См., например: *Les chiffonniers*. — In: *Paris aux dix-neuvième siècle: recueil de scènes de la vie parisienne...* Paris, 1839, p. 67—68; *Bertaud L.-A. Les chiffonniers*. — In: *Les français peints par eux-mêmes. Encyclopédie morale du dix-neuvième siècle*, t. 3. Paris, 1842, p. 333—344.

¹² *Grand dictionnaire universel du XIXe siècle*, t. 4. Paris, s. d., p. 96.

Канонизации этого представления сильнее всего способствовала мелодрама Феликса Пиа «Парижский тряпичник», в которой главный персонаж, папаша Жан, чья профессия дала название пьесе, являл собою добродетельного философа, воплощавшего в себе черты французского народного характера и мировоззрения. Премьера состоялась 11 мая 1847 г. в театре Порт-Сен-Мартен. Успех постановки и в особенности артиста Фредерика Леметра в роли папаша Жана был огромный и объяснялся тем, что в накаленной предреволюционной обстановке пьеса была воспринята демократическим зрителем как произведение резкого социального протеста, несмотря на то что мелодраматическая морализация и благополучная развязка резко приглушали ее социально-критическую силу.

На одном из первых представлений побывал П. В. Анненков. Он посвятил «Парижскому тряпичнику» несколько строк в своем очередном «Парижском письме», датированном 19 мая 1847 г. (н. ст.) и напечатанном в июньском номере «Современника». Его общее впечатление от пьесы было холодным. Он считал, что, «несмотря на благое начинание, драма оканчивается пустым треском» и потому «походит на пустые жернова, которые с визгом трутся друг о друга, не высыпая ничего, и от этого делаются скоро негодны к употреблению».¹³ Однако роль тряпичника П. В. Анненков отнес к «самым лучшим созданиям Фредерика Леметра», подчеркнув сочувственно, что актер оттенил внутреннее благородство своего персонажа: «Он смело появился в грязной блузе, с корзиной за плечами, с крючком в руках, пьяный и недостойный, как сделали его ремесло и общество. Ни на минуту не оставлял он своего грубого тона и типичских привычек своего звания, но чем далее шла пьеса, тем все сильнее пробивался наружу внутренний свет благородной души ветопника и облакал его сиянием. К концу пьесы лицо это выразилось во всем своем человеческом достоинстве».¹⁴ В следующем письме (Современник, 1847, сентябрь) Анненков неодобрительно отозвался о водевиле «Парижские тряпичники», в котором авторы, пародируя пьесу Пиа, «как будто задали себе цель осмеять сочувствие публики к бедным классам общества и потопить его в позоре сцен из народной жизни, в отвратительности выдуманных ими подробностей».¹⁵

В мае—июне 1847 г. смотрел «Парижского тряпичника» (возможно, несколько раз) А. И. Герцен¹⁶ и подробно рассказал о нем русским читателям в «Письмах из „Avenue Marigny“»

¹³ П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов, т. I. СПб., 1892, с. 315.

¹⁴ Там же, с. 314.

¹⁵ Там же, с. 319.

¹⁶ *Летопись жизни и творчества А. И. Герцена*, [т. 1], 1812—1850. М., 1974, с. 397, 401.

(Современник, 1847, октябрь, письмо третье). Его также не удовлетворил «примириющий, улаживающий финал в буржуазном духе», которым автор «пьесе <...> сгубил и растянул»,¹⁷ но папаша Жан навел его на пространное размышление об особом духовно-интеллектуальном складе парижских «отверженных». «Собственно парижские бедняки, — писал оп., — имеют, сверх затаенного негодования, голову, поднятую вверх, они психически развиты гораздо более, нежели вы предполагаете в этих организациях <...> В душе их есть что-то верно чувствующее, метко понимающее и притом беспредельно грустное и нежное. Чистота и нравственность далеко не чужды им; разврат имеет свои пределы, опускайтесь по лестнице общественных положений, вы будете с каждым шагом находить более и более пороков и гадостей; по опуститесь на самое дно, вы найдете столько же добра и нравственности, сколько падения и преступного <...> Масса стремлений, понятий и мыслей, проникнувшая в низшие классы и поддерживающая лихорадочное и болезненное расположение духа, чрезвычайно велика; она-то и есть главная хранительница их нравственности; теряя ее, бедняки впадают в страшную жизнь „парижских тайн“, с нею они типы героев Ж. Санд».¹⁸ В этом свете Герцен видел и папашу Жана, который для него был «чисто парижским продуктом», «грибом, выросшим на парижском навозе»: «...его колыбель, родина, училище — улица, на которую его выбросили тотчас после рождения», всю жизнь «он жил, как мокрица на сырых камешных стенах, и ползал по почам по узким темным переулкам», но «недаром, однако же <...> лет шестьдесят таскался по улицам и смотрел на это многообразие движущейся жизни; он философ, он мудрец, а главное он — характер».¹⁹

Пьеса Пиа настолько завладела вниманием Герцена, что он намеревался перевести ее для М. С. Щепкина, сделав «короче и лучше», но не искажая. Об этом он сообщал в конце мая 1847 г. в письме из Парижа к С. И. и Т. А. Астраковым.²⁰ Впоследствии он рассказал о «Парижском тряпичнике» в третьей главе шестой части «Былого и дум», упомянув и свой отъезд, и более поздний разговор с автором по поводу концовки.²¹ Об этой беседе с Пиа он вспоминал также в предисловии к «Похождениям Грибуля» Ж. Санд (1860).²²

«Письма из „Avenue Maigny“» были хорошо известны Достоевскому. Он, без сомнения, читал их еще в «Современнике», а впоследствии в составе «Писем из Франции и Италии». Влияние последних ощущается в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (5, 358); с их проблематикой совпадают и некоторые мысли Версилова, в чьей литературной генеалогии Герцен вообще признается центральной фигурой (17, 288—290). При условии, что, работая над «Подростком», Достоевский непрестанно возвращался мыслями к Герцену и в том числе вспоминал, очевидно, также «Письма из Франции и Италии», представляется вполне вероятным, что очерк П. А. Монтеверде мог оживить в его памяти контрастную в них трактовку того же самого предмета. Если так в действительности и произошло, т. е. мысль Достоевского, оттолкнувшись от описания Перепелиного холма в «Русском вестнике», обратилась опять к неизменному объекту своего внимания в этот период — Герцену, то становится понятным развитие ассоциаций, на основе которых родилась фраза Андреева «Je suis le citoyen de la Butte aux Cailles», содержащая проноию (17, 326) по адресу гражданина швейцарского кантона Фрибург, «gentilhomme russe et citoyen du monde», как назвал его Достоевский в очерке «Старые люди».

3. Запись о книгах

В списке «Не забыть нужные книги», составленном в тетради 1875—1876 гг., последним пунктом значится: «Вильмен, Сен-Бев, Тана критические этюды, Юлиана Шмидта, если переведен».²³ При публикации тетради каждое из этих имен было снабжено примечанием, поясняющим, о каком лице идет речь, какие его сочинения мог иметь в виду Достоевский и какие из них были переведены на русский язык до 1876 г.²⁴ Тем не менее смысл этой записи (как, впрочем, и многих других аналогичных) остался неясным, поскольку комментатору не удалось ни установить, что послужило для нее поводом, ни проследить, читал ли в действительности Достоевский указанные книги упомянутых авторов. В настоящее время этот пробел, в первой его части, может быть восполнен.

Сведения о заинтересовавших его авторах Достоевский черпнул из анонимной статьи «Библиография» в газете «Голос» (1876, № 8, 8 января), открывавшейся следующим рассуждением:

«История литературы — наука, но в то же время она и искусство. Особенно с нынешнего столетия художественная сторона этой отрасли благодаря таланту некоторых немецких и, еще более, французских представителей, получила такое развитие, о котором и не мечтала тяжеловесная эрудиция прошлых веков, думавшая удовлетворить самым притязательным требованиям, накопিয়া массу фактов, цифр, имен и параллельных цитат. Такие произведения, как „История французской литературы XVIII-го

¹⁷ Герцен А. И. Собр. соч. в тридцати томах, т. 5. М., 1955, с. 49.

¹⁸ Там же, с. 46.

¹⁹ Там же, с. 46—47.

²⁰ Там же, т. 23, с. 25.

²¹ Там же, т. 11, с. 42—43.

²² Там же, т. 14, с. 357.

²³ Лит. наследство, т. 83, с. 463.

²⁴ Там же, с. 515.

века" Вильмена, „Литературные портреты“ Сент-Бева, критические очерки Тэна, „Очерки современной умственной жизни“ Юлиана Шмидта и рецензии Карла Гиллебрандта, преимущественно об итальянской и французской литературах, далеко выдвигаются из ряда научно-удовлетворительных опытов, точных в фактическом отношении, более или менее тонких в отношении логическом и ясных по форме <...>.

Подтверждение того, что Достоевский читал «Библиографию», дают другие записи в той же тетради, в которых упоминаются содержащиеся в этой же статье отзывы о книжке О. Щербинской «Чтения для детей» (СПб., 1875) и протест против «спекуляций на детские души» (т. е. рекламы) М. О. Вольфа и других книгоиздателей.²⁵

4. «Прелюбодей мысли»

Выражение «прелюбодей мысли», которым в «Братьях Карамазовых» названа глава (ч. IV, кн. XII, гл. 13), посвященная заключительной части речи адвоката Фетюковича (15, 167), не привлекло внимания комментаторов. Между тем его история раскрывает намеки, содержащийся в этом заглавии и делого, по-видимому, улавливавшийся современниками Достоевского.

Это выражение было включено в собрание М. И. Михельсона с примерами из статей М. П. Каткова, В. П. Буренина и с цитатой из тоста, произнесенного известным русским юристом В. Д. Спасовичем «за адвокатским пиром».²⁶ Напечатанные в подборке различных прозвищ, которые употреблялись по отношению к журналистам, эти цитаты, очевидно, ввели в заблуждение С. Г. Замойского, который позднее ошибочно утверждал, что «прелюбодей мысли» были «пущены в оборот писателями охранительного лагеря <...> по адресу либеральных журналистов и деятелей» и что «очень скоро это выражение повернулось острием против авторов его» — М. П. Каткова, Б. М. Маркевича и др. Замойский также отметил факт использования этого выражения Достоевским, но почему-то считал, что в «Братьях Карамазовых» оно употреблено «в осудительном, по адресу прогрессивной печати, смысле».²⁷ Впоследствии был установлен источник выражения, которым оказалась статья публициста газеты «Голос» Е. Л. Маркова «Софисты XIX века. (Критические заметки)», напечатанная в № 36—37 за 5—6 февраля 1875 г. и подлившая изрядную долю масла в огонь разгоревшейся в то

²⁵ Там же, с. 406, 490.

²⁶ Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии, т. I. СПб., [1902], с. 573.

²⁷ Замойский С. Г. Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма. М.—Л., 1930, с. 295.

время на страницах прессы дискуссии о нравственном состоянии русской адвокатуры.²⁸

Введенный судебной реформой 1864 г. институт присяжных поверенных был моментально поражен «язвой 70-х годов», по определению Маркова, — «духом хищничества» — и подвергался резкой критике с разных сторон, с тем отличием, что обличения консервативной печати клонились к злорадному выводу о разлагающихся последствиях вредных, с ее точки зрения, реформ, в то время как либеральные публицисты, констатируя крайнее нравственное разложение многих практиковавших присяжных поверенных, но признавая необходимость адвокатуры как одного из звеньев системы правосудия, были сторонниками частных оздоровительных мер.

Марков отмечал, что адвокатура стала сферой деятельности, где быстро завоевывалась слава и достигалось благосостояние, где талант легко находил поклонение, где открывался «безграничный простор предприимчивости, находчивости и ловкости человека» и куда поэтому стекались «самые свежие и смелые силы судебного мира», куда стремились ослепленные внешним блеском молодые люди. Не выступая за ее упразднение, Марков, однако, считал настоятельно необходимым сорвать с адвокатов маскарадный костюм «людей науки», «представителей нового лучшего мира», показать их такими, какими они были на самом деле — людьми «беззащитной корысти». Обществу, считал он, необходимо было взглянуть на адвокатуру беспристрастными глазами, так как явление теряет половину своего вреда, если его правильно оценить. Юношам, мечтавшим об адвокатской карьере, утверждал он, нужно было еще до вступления на это поприще знать, «какого рода та слава и роскошь, которые их манят и какую цену придется купить их». Наконец, он признавал «некоторые выгоды адвокатуры», заключавшиеся, по его мнению, в том, что она могла «служить как бы отводным каналом для вызовов беспринципной корысти, бродящих в каждом обществе».

Рисуя портреты адвокатов и разбирая их повседневную практику, Марков не скупился на хлесткие выражения, назвав присяжных поверенных, например, «софистами XIX века» и уподобив их итальянским наемным убийцам «браво». Адвокатура, по его определению, это — «азартная биржевая игра», «живая скоростная фабрика всевозможных доводов на всевозможные случаи», «организованное пособничество неправде». Она «помогает богатому притеснять бедного», «бросается на зов силы, на звон рубля», в ней «паука и гуманность XIX века идут на пристяжку».

²⁸ Ашук и Н. С., Ашук и М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1966, с. 544—545. — Статья Маркова перепечатывалась в его Собрании сочинений, т. I, СПб., 1877, с. 63—94. Цитаты приводятся по газетной публикации.

у ажиотажа». Вся статья была как бы каскадом звонких пощечин, и одна из них стала отправной точкой в истории выражения «прелюбодей мысли».

«Отнимая у общества веру в те основы его, без которых союз людей обращается в звериное стадо, — писал Марков, — устапавлявая в обществе, при самых обаятельных условиях, культ слепой корысти, без того сочувственный грубому большинству — адвокатура вместе с тем дает собою пример цинического прелюбодейства мысли. Есть ли смысл осуждать какую-нибудь злополучную камелию, продающую по таксе свое тело, в виду этих камелий права, продающих едва ли не с аукциона свои убеждения и свой талант? Прелюбодейские мысли отражаются уже не на одной специальной сфере права. Если оно прочно привьется к обществу, оно погубит со временем весь мир мысли, всю науку».

Статья Маркова имела большой резонанс,²⁹ и в одном из полемических откликов на нее окончательно оформилось крылатое выражение в том виде, как его через несколько лет употребил в своем романе Достоевский.

В конце апреля 1875 г. состоялись выборы в Петербургский совет присяжных поверенных. Среди столичных адвокатов в это время царил смятение. Столь сильными были проявления общественного негодования по поводу их коррупции и столь ожесточенно нападала на них пресса, что выступить с открытым забралом они не решались. К тому же совсем пекетати для них началось следствие по скандальному делу петербургского купца-миллионера, подрядчика С. Т. Овсянникова, обвинявшегося в умышленном поджоге с корыстной целью паровой мельницы на Обводном канале, которую он арендовал у другого миллионера — В. А. Кокорина. Заранее убежденное в крупном мошенничестве, общественное мнение было взбудоражено слухами о том, что двое присяжных поверенных (имена не были известны) согласились защищать Овсянникова. Не удивительно, что присяжный поверенный П. А. Потехин, высказавшийся в пользу толстосума-преступника, едва не был забаллотирован в совет, хотя до этого опрометчивого поступка был основным кандидатом на пост председателя (на процессе защитником Овсянникова был именно он).

Однако среди адвокатов нашелся человек, дерзко бросивший в этой обстановке вызов общественному мнению — это был В. Д. Спасович. Об этом событии следующими словами рассказал А. С. Суворин:

«После выборов последовал обед. За обедом г. Спасович сказал речь, по обыкновению блистательную. Подняв бокал, он провозгласил тост в такой форме: „Прелюбодей мысли пьет за здоровье софистов XIX века!“ Что это: чистосердечное сознание,

²⁹ Гессен И. В. История русской адвокатуры, т. I. М., 1914, с. 209—220.

циническая выходка или ирония? Затем он стал развивать ту идею, что литература и общество, клеймящие такими эпитетами адвокатов, сами медного гроша не стоят, а потому обращать внимание на то, что они скажут об адвокатах, не стоит труда. „У нас есть собственное общественное мнение, и если оно оправдывает, то мы можем не обращать внимание на все остальное...“ Разумеется, оглушительные „браво“, плески, овация».³⁰ Спасовича, продолжал Суворин, поддержал присяжный поверенный Языков. После этих выступлений присутствовавшими овладело «пьяное одушевление». Многие «кричали: „плевать нам на все!“ Другие кричали „браво“ и топали в восторге от того, что с высоты, так сказать, адвокатского Олимпа раздалось слово одобрения. Были и такие, которые отвергивались от этой вакханалии правдивейшей разнузданности и спешили уйти от „товарищей“. Картина!»³¹

Формула, произнесенная Спасовичем, став немедленно крылатым выражением, получила широкое распространение. Полемика об адвокатуре продолжалась долгое время, и в ходе ее это хлесткое прозвище звучало неоднократно,³² причем то его автором указывали Маркова,³³ то вспоминали о Спасовиче. Так, откликаясь на возмущившую общественное мнение речь Спасовича в защиту С. Кроненберга, жестоко избившего свою семилетнюю дочь, публицист журнала «Дело» А. П. Пятковский, скрывшийся под псевдонимом Н. Мизантропов, обратился к знаменитому адвокату со следующими стихами:

Вы позабыли все идеи,
Что прежде с кафедры вещали,
И с кличкою «прелюбодей»
К союзу страшному пристали.³⁴

Можно полагать, что за недолгое время, протекшее между апрелем 1875 г. и выходом «Братьев Карамазовых», тост Спасовича не изгладился совершенно из памяти современников и что поэтом вынесенное в заглавие выражение «прелюбодей мысли» недвусмысленно указывало им на живой прототип Фетюковича.

О том, что именно Спасович был одним из прототипов защитника Дмитрия Карамазова, уже отмечалось в работах о романе

³⁰ Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А. Суворина), кн. 2. СПб., 1875, с. 136—137 (третья пагинация). — Книга имела в библиотеке Достоевского; см.: Гроссман Л. П. 1) Библиотека Достоевского. Неизданный материал, с приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919, с. 132; 2) Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. М.—Пг., 1922, с. 26 (в обоих случаях неверно указана дата выхода книги).

³¹ Очерки и картинки, кн. 2, с. 138 (третья пагинация).

³² Например: Петербургская газета, 1876, № 27, 8 февраля; С.-Петербургские ведомости, 1876, № 4, 4 января.

³³ Михайловский Н. К. Записки профана. IX. Нечто о г. Маркове. — Отечественные записки, 1875, июнь, отд. II, Современное обозрение, с. 305.

³⁴ Дело, 1876, № 3, с. 478.

в виде предположения, подкрепленного созвучием фамилий и ссылкой на февральский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., где Достоевский разбирает речь Спасовича в защиту Кропепберга (15, 586—587). Приведенные факты полностью это предположение подтверждают.

Интересно, что до сих пор не было дано истолкования явно смысловой фамилии «Фетюкович». Может быть, это объясняется тем, что ни одно из приводимых в различных словарях русского языка значений слова «фетюк» (разиня, рохля, простофиля; бездеятельный или глупый, несообразительный человек; угрюмый человек, брюзга) не подходит к блестящему столичному адвокату в зените его славы, приехавшему выступать на громком процессе в провинциальном городе. Однако если вспомнить примечание к этому слову в «Мертвых душах» («фетюк — слово, обидное для мужчины, происходит от Ф, буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою»³⁵), то можно заключить, что эта фамилия в романе несет в себе именно тот неприличный смысл, о котором говорил Гоголь, и таким образом тоже обыгрывает кличку «прелюбодей».

М. Д. ВЛЫВОН

ДВЕ ЗАМЕТКИ К РОМАНУ «БЕСЫ»

1

Как установлено Н. Ф. Будаковой, одна из черновых записей Достоевского к «Бесам» могла быть результатом чтения «Очерков общественного движения при Александре I» А. Н. Пыпина (разделы 3—4, посвященные М. М. Сперанскому и Н. М. Карамзину) и полемической статьи Н. Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина» (12, 363). Четвертый раздел труда А. Н. Пыпина был посвящен конкретному разбору «Записки о древней и новой России». Анализ был произведен с явным намерением дискредитировать Н. М. Карамзина; «диалог» М. М. Сперанского и Н. М. Карамзина трактовался как извечный спор представителей двух поколений: «молодой» Сперанский противопоставлен здесь «консерватору» Карамзину.¹ Именно этот раздел вызвал резкую отповедь Н. Н. Страхова. «Карамзин, Карамзин! Какое чудесное имя, милостивый государь! — так начинает «Н. Косица» свое «Письмо в редакцию „Заря“». — Великий писатель, создатель русской истории, зачинатель нового периода нашей литературы, а главное — человек несравненный по мягкости и благородству души, друг царей, но верноподданный России — чего же еще нужно для

³⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. 6. Л., 1951, с. 77, 734.

¹ Вестник Европы, 1870, № 9, с. 170—248.

самой чистой славы? <...> Я воспитан на Карамзине, <...> мой ум и вкус развивался на его сочинениях. Ему я обязан пробуждением своей души, первыми и высокими умственными наслаждениями».² Панегирик Карамзину завершался «пророчеством»: «Статью г. Пыпина будут защищать и превозносить без меры <...>, г. Тургенев с удовольствием прочитает ее в Баден-Бадене» (курсив мой, — М. Э.).

В письме к Н. Н. Страхову от 2(14) декабря 1870 г. (из Дрездена) Достоевский дал высокую оценку статье Пыпина, где «в первый раз так резко» высказано «то, о чем все молчали» (П., II, 300). Но при этом добавил: «К статье о Карамзине (Вашей — т. е. Страхова, — Ред.) я пристрастен, ибо такова почти была и моя юность, и я вырос на Карамзине. Я ее с чувством читал» (там же).

Все это делает вероятным, что фамилия «Кармазинов» появилась в «Бесах» после прочтения статьи Н. Н. Страхова, причем в ней объединились фамилии двух «западников» — Карамзина и Тургенева.

2

В главе «Петр Степанович в хлопотах» Достоевский следующим образом характеризует круг чтения молодого Верховенского: «— Вы, кажется, не так много читаете? — прошипел он (Кармазинов, — М. Э.), не вытерпев.

— Нет, не так много.

— А уж по части русской беллетристики — ничего?

— По части русской беллетристики? Позвольте, я что-то читал, читал... „По пути“... или „В путь“... или „На перепутье“, что ли, не помню. Давно читал, лет пять. Некогда» (10, 286).

В комментарии к эпизоду приведена запись из черновой тетради 1864—1865 гг.: «Нигилисты. Читали: „Откуда“, „Покуда“, „Накануне“, „Послезавтра“, „Зачем“, „Почему“» (12, 303—304). Легко догадаться, что первое и второе — пародийные переименования «Некуда» Н. С. Лескова (1864), а «Послезавтра» идентично предшествующему ему подлинному заглавию. Однако ни одно из них не соответствует приведенным «путевым» названиям. С большой натяжкой можно предполагать, что последние пародируют «Некуда»: их объединяет мотив дороги.

Однако в данном случае Достоевский был достаточно конкретен.

«В путь» — несомненно «В путь-дорогу!...» П. Д. Боборыкина (СПб., 1864; в 3-х т.). Эта книга не входит теперь в «обойму» антинигилистических романов. Но вот что писал М. Е. Салтыков-Щедрин П. А. Пекрасову 8 апреля 1865 г. (из Пензы): «Кстати:

² Заря, 1870, № 10, с. 207. — «Записка» характеризуется здесь как «отворженье всего, что не было и не могло быть средии с русскою жизнью» (с. 220—221).